

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-132-153>

<https://elibrary.ru/HBYDWI>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0
(CC BY-NC-ND)

© 2023 г. Ю.Ю. Анохина

«ДВЕ СОНИ»: ОБРАЗ СОНИ МАРМЕЛАДОВОЙ В ВОСПРИЯТИИ ВЯЧ. ИВАНОВА И А. БЕМА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье впервые предпринимается сопоставительный анализ подходов Вяч. Иванова и А. Бема к образу Сони Мармеладовой, героини романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. В фокусе внимания — книга Иванова «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932) и работы Бема: «Сумерки героя (Этюд к работе: “Отражение ‘Пиковой дамы’ в творчестве Достоевского”» (1931), «“Фауст” в творчестве Достоевского» (1937), «Достоевский. Психоаналитические этюды» (1938). Отмечено, что, хотя оба исследователя не задавались целью исследовать особенности понимания Достоевским женственности и женского, их рассуждения о Соне Мармеладовой показательны с точки зрения гендерного кода. Оба автора в осмыслении функций этого образа оставались в рамках свойственной модерну парадигмы мышления. Пражский исследователь говорил о Соне как о «зеркале» и «тени» Раскольникова. И А. Бем, и Вяч. Иванов видели в ней героиню-посредницу и были склонны к сакрализации ее образа (отмечали ее связь с Вечной Женственностью, Матерью-Землей, Софией). При этом в книге Иванова обнаруживаются инновативные тенденции, поскольку он указывал на индивидуально-личные черты, присущие внутреннему миру героини, признавал ее субъектность. Сделан вывод о том, что разница в восприятии героини обусловлена методологическими расхождениями ис-

следователей, а также принципиальным различием в понимании специфики художественного мира произведения.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Вяч. Иванов, Альфред Бем, Соня Мармеладова, конструирование фемининности, гендерный порядок.

Информация об авторе: Юлия Юрьевна Анохина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8917-5445>

E-mail: jul.anokhin@gmail.com

Для цитирования: Анохина Ю.Ю. «Две Сони»: образ Сони Мармеладовой в восприятии Вяч. Иванова и А. Бема // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 132–153.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-132-153>

© 2023. Yuliya Yu. Anokhina

“THE TWO SONYAS”: THE IMAGE OF SONYA MARMELADOVA IN THE PERCEPTION OF VYACHESLAV IVANOV AND ALFRED BEM

Acknowledgements: The research was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) at IWL RAS.

Abstract: The article for the first time undertakes a comparative analysis of the approaches of Vyacheslav Ivanov and Alfred Bem to the image of Sonya Marmeladova, the heroine of the novel *Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky. The focus of attention are Ivanov’s book *Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism* (1932) and Bem’s works *The Twilight of Hero (Etude to the Work: “Reflection of the ‘The Queen of Spades’ in Dostoevsky’s Heritage”)* (1931), *“Faust” in Dostoevsky’s Works* (1937), and *Dostoevsky. Psychoanalytical Studies* (1938). It is noted that although the two researchers did not intend to consider the peculiarities of Dostoevsky’s perception of femininity and feminine, their reflections on Sonya Marmaladova are indicative from the point of view of gender code. Both authors remained within typically Modernist paradigm of thinking in understanding the functions of this image. The researcher from Prague spoke of Sonya as a “mirror” and “shadow” of Raskolnikov. Both A. Bem and Vyach.

Ivanov perceived her as a mediating figure and were prone to the sacralization of her image (they noted her connection with Eternal Femininity, Mother Earth, Sophia). At the same time, Ivanov's book reveals innovative tendencies, as he pointed out individual, personal traits in the inner world of the heroine, recognized her subjectivity. It is concluded that the variations in the perception of this female character by the two researchers are due to their methodological divergence, as well as fundamental differences in their understanding of the artistic specificity of the novel.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Vyacheslav Ivanov, Alfred Bem, Sonya Marmeladova, construction of femininity, gender order.

Information about the author: Yuliya Yu. Anokhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8917-5445>

E-mail: jul.anokhin@gmail.com

For citation: Anokhina, Yu.Yu. "The Two Sonyas': The Image of Sonya Marmeladova in the Perception of Vyacheslav Ivanov and Alfred Bem." *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 132–153. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-132-153>

В социокультурном поле конца XIX — начала XX в. имя Сони Мармеладовой, героини романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), стало нарицательным. В публицистике, литературной критике и художественной литературе этого времени семантическая палитра упоминаний Сони Мармеладовой чрезвычайно богата, хотя в них обычно сохраняется смысловое ядро «праведная блудница», которое становится едва ли не клише. Имя героини можно встретить в заметках и брошюрах, посвященных проституции как социальной проблеме. Например, М.И. Покровская апеллирует к этому образу в книге «О падших» (1901), где на материале русской литературы рассматривает причины проституции. Соня занимает центральное место в рассуждениях Покровской: героиня, несмотря на постыдный промысел, изображается Достоевским почти святой, которая принесла себя в жертву ради других. Покровская подчеркивает, что героиня отличается такими высокими человеческими качествами, что обыкновенным честным женщинам невольно приходится признать ее превосходство над собой. Надежда Николаевна, героиня одноименной повести В.М. Гаршина, рассматривается как иной тип проститутки. Неудачная любовь и незаконное материн-

ство довели ее до этой профессии. Покровская размышляет о двойственности проститутки:

В них живут как бы две женщины. Одна та, которую все видят и которая составляет принадлежность их промысла. Другая та, которая спрятана глубоко и появляется только случайно, когда с проституткой обращаются по-человечески. Подобную двойственность мы замечаем у Надежды Николаевны и у Сони Мармеладовой [Покровская, с. 5].

В статье «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой» (1904) В.Г. Короленко, обличая морализаторский пафос выступления, апеллирует к опыту современной «Сони Мармеладовой» — девушки, вынужденной в силу экономических причин и социальной незащищенности «выходить после фабрики на улицу» [Короленко, с. 74]. Вслед за Короленко А.В. Амфитеатров, активный участник дискуссий о «женском вопросе», в статье «О борьбе с проституцией» (1904) рассуждал о системном характере этого явления на примере условной «Сони Мармеладовой» [Амфитеатров, 2001, с. 763], а также сопоставлял «Сонь Мармеладовых» с другими социальными «слабыми» женщинами — певицами [Амфитеатров, 2001, с. 710].

Героиня «Преступления и наказания» упоминается не только как социальный, но и как «старый литературный тип», по слову того же Амфитеатрова, — «прекраснодушной проститутки» [Амфитеатров, 2003, с. 437]. Амфитеатров отмечал, что Соня, наряду с Фантиной В. Гюго, предвосхищает образ Насти из драмы М. Горького «На дне» [Амфитеатров, 2003, с. 437]. С этой же героиней сопоставлял Соню и И.Ф. Анненский, который сетовал на то, что образ Насти, живущей «проституцией и романами», далек от героини Достоевского, «от ее косой желтой комнаты у портного Капернаумова, от воскрешения Лазаря и романтической эмблемы человеческого страдания» [Анненский, с. 79]. Если Анненский видел в эпизоде, где Соня читает Раскольникову Евангелие, «романтическую эмблему», то В.В. Набоков критиковал его за мелодраматизм и пошлость [Волгин]. В.В. Розанов считал Раскольникова и Соню Мармеладову литературными предшественниками героев «Тьмы» Л.Н. Андреева [Розанов, 1995, с. 256].

О «вечной Сонечке» вспоминают герои произведений художественной литературы. В повести А.И. Kupрина «Яма» (1909–1915), вскрывающей «весь механизм продажной любви» [Боева, с. 207], между героями завязывается спор о реалистичности образа Сони

Мармеладовой [Куприн, с. 74]. Об этом же дискутируют героини романа Амфитеатрова о «светской проституции» «Марья Лусьева» (1903) [Амфитеатров, 2000]. Кроме того, образ отношений Сони Мармеладовой и Раскольникова, по-видимому, повлиял на жизнетворческие практики декадентствующих авторов Серебряного века, что, в частности, выразилось в эпистолярном общении В.Я. Брюсова и Н.И. Петровской — «Раскольникова перед “вечной Сонечкой”» [Артамошкина, с. 128]. Приведенные примеры показывают, что в начале XX столетия имя Сони Мармеладовой перестало ассоциироваться исключительно с романом «Преступление и наказание» и обрело автономный характер бытования — в качестве синонима для обозначения проститутки — в отношении и реальной, и художественной действительности.

Мыслители начала XX в. обращались не только к социальному содержанию этого образа, но и религиозно-философскому. Оказалось преодоленным стремление упрекнуть Достоевского в том, что Соня Мармеладова — ненастоящая христианка, поскольку «молебнов не служит, духовников и монахов для совета не ищет; к чудотворным иконам и мощам не прикладывается» [Леонтьев, с. 206]. Представление о «духовном» содержании образа Сони Мармеладовой в эпоху Серебряного века вышло за рамки христианства как традиции и стало рассматриваться в свете христианства как миропонимания. В частности, Л.И. Шестов, рассуждая о «духовной» перспективе этого образа, отметил, что Соня, в отличие от Разумихина, показана обладающей способностью к живому, а не рационализированному восприятию евангельского слова [Шестов, с. 391].

В рецепции этого образа В.В. Розановым совместились богословский подход и публицистический пафос. Мыслитель увидел в героине «христианский образец», который «разбил ветхозаветное “не прелюбодействуй”» и, вместе с тем, «закрепил» за оксюмороном «праведная блудница» лингвистическую нормативность: «“Праведная блудница”, — писал он, — стала возможным словом в нашем языке» [Розанов, 1996, с. 540]. Д.С. Мережковский рассматривал «проститутку Соню» как равную Раскольникову не только в его «падении», но и в духовно-интеллектуальном смысле: лишь она и Порфирий Петрович могут судить главного героя, «отчасти понимая точку зрения, на которой он стоит» [Мережковский, с. 277]. Философы рассматривали образ Сони и функционально. Н.А. Бердяев, разделивший героинь романов Достоевского на два типа — вызывающих «сладострастие или жалость», — отнес Соню ко второму типу [Бердяев, с. 122]. С.Л. Франк, считавший образы романов Достоев-

ского «персонификациями тех сил, которые действуют в человеке», в Соне увидел воплощение «истины страдания и терпения» [Аляев, с. 82, 152].

Социальное, психологическое и религиозно-философское изменения образа Сони Мармеладовой интересовали и авторов литературоведческих работ о «Преступлении и наказании». Отчетливо это прослеживается в трудах филологов из социокультурной среды Серебряного века, в частности, в книге Вяч. Иванова «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932), где, по мысли ее автора, историко-литературное измерение не менее важно, «чем ее философская часть» [Иванов, 2021, с. 438], а также у А.Л. Бема, высказавшегося о Соне Мармеладовой в статьях «Сумерки героя (Этюд к работе: “Отражение ‘Пиковой дамы’ в творчестве Достоевского”» (1931), «Личные имена у Достоевского» (1933), «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» (1937), «“Фауст” в творчестве Достоевского» (1937) и «Достоевский. Психоаналитические этюды» (1938).

Названные работы были опубликованы в послереволюционную эпоху, в 1930-е гг., когда оба автора уже жили за границей: Иванов — в Италии, Бем — в Чехословакии. При этом характер связи этих трудов с доэмигрантским творчеством обоих исследователей, а также с дореволюционной мыслью о Достоевском различен. Иванов являлся активным участником Религиозно-философского общества (РФО), на заседаниях которого Достоевский был, как известно, «сквозным героем»: имя писателя в ходе дискуссий употреблялось «не для того, чтобы сказать новое и важное о писателе, а как элемент языка самоописания русской религиозно-философской культуры начала XX в.» [Полонский, с. 378]. Изданная в Тюбингене книга Иванова обобщает и уточняет опыт его дореволюционных работ о Достоевском. Бем, оказавшийся в Европе раньше Иванова, напротив, не занимался Достоевским до эмиграции и сознательно обратился к его творчеству как к новой для себя теме [Кольовски, с. 127], но во многом ориентировался на дореволюционные работы о писателе. Статья Бема «Тайна личности Достоевского» изобилует отсылками к работе Мережковского «Толстой и Достоевский» (1901). В статьях о взаимосвязи повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» с произведениями Достоевского Бем отталкивался не только от идей Мережковского, но и от перспективы, заданной Ивановым в статье «Основной миф в романе “Бесы”» (1914) — работе, сложившейся в результате дискуссий в РФО. Все это позволяет предположить, что контекст дореволюционного восприятия Сонечки Мармеладовой был не чужд не только Иванову, но и Бему.

Труды Иванова и Бема о Достоевском нередко привлекают внимание исследователей и рассматриваются с разных точек зрения: анализируются научно-творческие биографии их авторов [Кольовски; Шишкин], вклад в становление науки о Достоевском [Гачева; Касаткина; Сараскина; Фридлендер], методологические особенности [Белоус; Бочаров; Исупов; Скуридина, Бугакова; Сегал-Рудник; Титаренко; Щербина]. Работы Иванова о Достоевском изучаются и в контексте общего для эпохи Серебряного века всплеска интереса к писателю [Богданова; Есаулов; Келдыш]. Специфика подходов Иванова и Бема к отдельным проблемам произведений Достоевского не обойдена вниманием ученых [Дудек; Горностаева]. В последние годы работа Иванова «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932) переживает новую волну исследовательского интереса, что, по-видимому, вызвано недавним академическим переизданием этой книги [Иванов, 2021], в которой Иванов «рассматривает творческую личность Достоевского в трех ипостасях — трагического поэта, мифотворца и религиозного мыслителя» [Каяниди, с. 137]. Одним из наиболее острых вопросов оказывается проблема адекватности предложенных Ивановым интерпретаций художественным замыслам Достоевского [Кибальниченко]. Однако сопоставление исследовательских методов Иванова и Бема и их подходов к отдельным образам из романов Достоевского еще не предпринималось. В настоящей статье ставится задача сравнить их интерпретации Сони Мармеладовой, так как это сравнение показательно с точки зрения специфики «гендерного кода» в рассуждениях о «вечной Сонечке».

Иванов рассматривает образ Сони в четвертой части второй главы книги о Достоевском — в «Мифологумене». Высказывания Бема об этой героине нельзя назвать развернутыми, характер его интерпретации приходится реконструировать по отдельным суждениям из перечисленных выше статей. Отметим, что в работе о «Фаусте» и в «Психоаналитических этюдах» Бем неоднократно ссылается на книгу Иванова о Достоевском: пражский славист был хорошо знаком с этим трудом, ведь он писал на него рецензию — обстоятельную и во многом полемичную¹. Литературовед, признавая высокий научный уровень работы Иванова, усомнился в основательности методологии, лежащей в основе исследования, и отметил, что по сравнению с ранней работой «Достоевский и роман-трагедия» (1911)

¹ Рецензия появилась в журнале *Germanoslavica*. Jahrgang II. 1932–1933. S. 274–277. В переводе на русский статья опубликована в издании: [Иванов, 2021, с. 215–219].

книга на немецком языке не привносит ничего принципиально нового в осмысление произведений Достоевского. Полемика, начатая Бемом, продолжилась в письмах², ее предметом стал «вопрос о допустимых границах мифопоэтического толкования текстов Достоевского» [Шишкин, с. 45]. Бем, стремившийся к последовательному продолжению традиций школы А.Н. Веселовского, критиковал Иванова за то, что его мифопоэтическая оптика не укладывается в рамки истории литературы как науки. Иванов отвечал оппоненту, что для литературоведческого анализа существенен, прежде всего, сам принцип, открытый Веселовским, т. е. поиск ответа на вопрос о «наличности общего мифа в произведениях, не сопряженных между собой связью литературной зависимости» [Иванов, 2021, с. 438]. Разногласия в осмыслении исследователями теоретических оснований «школы исторической поэтики» порождают вопрос о различиях в исследовательской практике ученых на примере их подходов к конкретным образам, поэтому сопоставление интерпретаций образа Сони Мармеладовой интересно и с методологической точки зрения.

Иванова и Бема роднит то, что их работы не обращены к образу Сони Мармеладовой непосредственно: о его понимании обоими исследователями можно судить по их рассуждениям об общих вопросах поэтики «Преступления и наказания». Для Иванова это вопрос об «основном мифе», а для Бема — проблема вины и реминисценции к «Пиковой даме» Пушкина и «Фаусту» Гете. Оба исследователя признают, что в образно-мотивной структуре романа главная функция образа Сони — посредническая: подчеркивается, что героиня приводит Раскольникова к внутреннему преображению. Иванов пишет: «Выздоровление приходит от Сони <...>» [Иванов, 2021, с. 73]. Бем отмечает: «Соня Мармеладова была задумана Достоевским как “спутница” Раскольникова» [Бем, 2001, с. 219]. Оба исследователя обращают внимание на настойчивость героини в ее стремлении убедить Раскольникова в необходимости покаяния.

При этом ученые по-разному понимают характер воздействия Сони на Раскольникова. Иванов делает акцент на том, что влияние Сони активно и сознательно: она *«требует»* от любимого лишь одного: признания реальности человека и человечества вне себя» [Иванов, 2021, с. 72] (Курсив мой. — Ю.А.). Иванов использует глагол «требовать», что подчеркивает его представление о власти Сони над главным героем. Бем рассматривает воздействие Сони на Раскольникова, скорее, как «мягкое»: «Соня все время тенью ходит за ним и

² Переписка опубликована в издании: [Иванов, 2021, с. 438–441].

направляет его на путь раскаяния» [Бем, 1983, с. 168] (Курсив мой. — Ю.А.). Слово «направлять» предполагает большую свободу главного героя, меньшую власть над ним Сони. Сравнение героини с «тенью» актуализирует психоаналитический контекст, но в то же время показывает «вторичность» Сони по отношению к Раскольникову: ее роль оказывается сведенной к тому, чтобы отражать и уточнять происходящее во внутреннем мире главного героя. Этот образ рассматривается как «зеркальный»: «<...> на Соне, — пишет Бем, — отражается эта душевная борьба Раскольникова, и она то видит на лице его мрачные черты нераскаянного убийцы, то улавливает какие-то просветы будущего его возрождения» [Бем, 2007, с. 443]. Образ Сони в интерпретации Бема предстает подчиненным еще одной задаче: она не только приводит Раскольникова к раскаянию, но и позволяет писателю заострить внимание на нюансах психологических изменений, происходящих с главным героем.

Оба исследователя не ставят своей основной целью проанализировать отношение Достоевского к женщине и женственному, сравнить Соню с другими его женскими типами. Но их попутные размышления о ней как о «посреднике», «тени» или «зеркале» укладываются в общую для эпохи модерна парадигму мышления, в которой одна из основных функций фемининности заключается в том, чтобы быть зеркалом для главного героя³ или проводником, ведущим его к постижению тайн мира, творчества и собственного «Я»⁴.

Определяя функцию образа Сони как посредническую, Иванов и Бем исходят из общего для них представления о главном конфликте романа, состоящем в отъединении индивидуума от окружающей действительности — отъединении, порождающем внутренней распад личности, ее «самозамкнутость». В Соне оба исследователя видели героиню, способствующую выходу Раскольникова из «плена фантома», из мира его иллюзий в реальный мир. Однако природу пути, который проходит герой, сопровождаемый Соней, Иванов и Бем трактуют по-разному, и это продублирует разницу в интерпре-

³ Рассуждение Бема о «зеркальности» как свойстве женского персонажа соответствует общему для литературы модерна восприятию фемининности. См., например, образ Гермины в романе Г. Гессе «Степной волк» (1927) и ее слова о способности женщины «отражать» мужчину как условия его влечения к ней: «Как же ты, ученый господин, не понимаешь, что я потому тебе нравлюсь и важна для тебя, что я для тебя как бы зеркало, что во мне есть что-то такое, что отвечает тебе и тебя понимает?» [Гессе, с. 301].

⁴ Подробнее о функциях фемининного в культуре русского символизма см. в работе: [Эконен].

тациях сущности героини. В концепции Иванова «реальность» художественного мира рассматривается в парадигме символистской герменевтики — как духовная действительность, «реальнейшее». Поэтому и разлад Раскольникова с миром, и его преступление, и участие Сони в восстановлении связи между главным героем и «реальнейшим» мыслится в религиозно-мистической перспективе: преступление понимается как «бунт против Матери-Земли», а Соня оказывается «духовным» проводником Раскольникова на пути его примирения с «Матерью-Землей». Бем, в свою очередь, рассматривает преступление как психологический феномен, как «осознание самим субъектом нарушения им какой-либо нравственной нормы, совершенно независимо от того, сознается ли это нарушение вовне, в мире нравственных идей, как объективное преступление» [Бем, 1983, с. 143], и потому участие Сони в судьбе Раскольникова интерпретирует именно в таком ключе: она способствует восстановлению его внутренней гармонии и воссоединению с обществом, с людьми. Иванов видит в этой героине личность, имеющую возможность сознательно влиять на героя, а Бем, главным образом, — «спутницу Раскольникова», посредницу, воздействующую на героя самым способом своего бытия.

Обозначенная разница в восприятии героини оказывается принципиальной, и она обуславливает различие в подходах Иванова и Бема к тем аспектам фигуры Сони, которые связаны не с ее «функциями», а с ее образом как таковым. Иными словами: ученые по-разному отвечают на вопрос о том, какие именно качества позволяют Достоевскому наделить героиню посреднической функцией. В интерпретации Иванова способность Сони быть посредницей между Раскольниковым и Матерью-Землей обусловлена выразившейся в ее образе диалектикой вины и жертвы, связанной с «профессией» героини. Иванов отмечает, что *идея жертвенности* выразилась, прежде всего, в женских образах произведения: Елизаветы, убитой случайно, и Сони, «ставшей проституткой, чтобы спасти родителей, братьев и сестер от голодной смерти» [Иванов, 2021, с. 73]. Именно Соня названа первой в числе тех героинь, которые ассоциируются у Иванова с забитой «клячонкой» из сна Раскольникова. Рассуждая о приснившейся герою лошади как символе абсолютной жертвы, исследователь задается вопросом: «Кто же в романе похож на эту темную жертву? Одна лишь Соня?» [Иванов, 2021, с. 76]. Иванов подчеркивал жертвенное начало образа Сони, но, с его точки зрения, жертвенность диалектически сочетается с идеей вины, он пишет о героине как о «великой грешнице», которая добровольно

выбрала свой путь: «Спасающая убийцу, научившая его покаянию, *кроткая сердцем* Соня, ставшая проституткой, чтобы спасти родителей, братьев и сестер от голодной смерти, — тоже *жертва за чужой грех*, только, в отличие от Елизаветы, она сама — *великая грешница*, ибо она, хотя и для спасения других, все же *сознательно и самонадеянно* принимает не только страдания, но и проклятие чужого злодеяния, беря его на себя» [Иванов, 2021, с. 73] (Курсив мой. — Ю.А.). Иванову, обращенному к религиозно-философской проблематике романа, было важно акцентировать внимание на тех аспектах образа героини, которые позволяют ей реализовать функцию духовного проводника. Отсюда и его внимание к связанной с этим образом диалектике вины и жертвы.

По Бему, способность Сони исполнить роль посредницы между Раскольниковым и обществом обусловлена ее социально-психологическим положением. Не акцентируя внимания на ремесле Сони, Бем подчеркивает бедственность ее жизненной ситуации. В статье «Чужая беда в творчестве Достоевского» он показывает, что образы Сони и Раскольникова противопоставлены: Соня укоренена в «живой жизни», а Раскольников, «отравленный ядом софистики», выключен из «живого потока» [O Dostojevském, с. 235]. При этом именно столкновение с Соней, с ее житейскими обстоятельствами, ее «бедой» способствует выходу Раскольникова из «плена идеи», делает его восприимчивым к «чужому горю», т. е. воздействие героини осуществляется в том числе и без ее осознанного стремления к этому, непосредственно.

Акцент на осознанности Сони, на мысли о ее личной ответственности за сделанный выбор отличает интерпретацию Иванова не только от подхода к этому образу Бема, но и от тех интуиций, которые были выражены в публицистике и литературной критике начала XX в. В них «вечная Сонечка» предстает либо «мелодраматической героиней», либо символом женщины, способ существования которой полностью предопределен общественной ситуацией, а ее роль сведена к пассивной. Даже Покровская в упомянутой выше книге рассуждает о Сонечке только как о жертве, пусть и добровольной. Иванов «возвращает» образу Сони Мармеладовой личностное начало, на что указывает данная им оценка ее действий (слова «сознательно», «самонадеянно»). Такой «персоналистский» ракурс в восприятии этого образа в целом объясняет, почему в одной из лекций Иванов, разделяя героев Достоевского на индивидуалистичных и соборных, отнес Соню ко второму типу [Иванов, 2021, с. 174]. Дело в том, что, по мысли Иванова, личностное начало есть условие

соборности, о которой в статье «Легион и соборность» он писал как о «соединении, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности» [Иванов, 1979, с. 260]. В образе Сони, согласно Иванову, это начало воплотилось во всей полноте. Недаром данная Ивановым характеристика Сони — «кроткая сердцем», «смирная женская душа» [Иванов, 2021, с. 65] — напоминает евангельское слово Христа о Себе («ибо Я кроток и смирен сердцем», Мф 11: 29). На религиозное измерение образа Сони указывает и Бем, в статье «Личные имена у Достоевского» он отмечает связь героини с «мотивами Священного Писания», показывая, что она единственный персонаж, ключ к символическому смыслу которого — этимология имени: «Разве только имя Соня Мармеладова дает законное право, в связи с мотивами Священного Писания, сопоставить ее с Софией — высшей Мудростью Божьей и Любовью» [O Dostojevském, с. 277]. Однако представление Бема о «софийности» образа Сони осталось не раскрытым.

Еще одно различие подходов Иванова и Бема к образу Сони связано с исследовательской оптикой ученых. Иванов не рассматривал историко-литературные параллели к этому образу, а Бем предпринял попытку установить интертекстуальные аналогии. В статье «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» Бем, сопоставляя эпизоды объяснения Германна с Лизой и признания Раскольникова Соне, показывает сходство реакций героинь на полученные известия: «<...> в те минуты, когда Раскольников подпадал под власть своей “дьявольской” идеи, она <Соня> так же решительна в своих осуждениях, как и Лиза в “Пиковой даме”» [Бем, 2007, с. 443]. Иванов разделял идею «родственности» повести Пушкина и романа «Преступление и наказание», правда, он отмечал, что она зиждется не на влияниях и заимствованиях, а «на тождестве основного мифологического образа; оба рассказа представляют собой как бы два варианта одного и того же мифа» [Иванов, 2021, с. 68]. Германна и Раскольникова исследователь считал бунтовщиками «против законов Матери-Земли», в образах старой графини и старухи-процентщицы видел «хтонических существ», жертв и мстительниц, а вот аналогии между Лизой и Соней, в отличие от Бема, он не проводил, вероятно, в силу разницы функций героинь в раскрытии «основного мифа».

О другом литературном предшественнике образа Сони речь идет в статье Бема «“Фауст” в творчестве Достоевского». Развивая тему «Гете и Достоевский», ученый во многом отталкивался от наблюдений, сделанных Ивановым в его статье «Основной миф в романе

“Бесы”»: «Вяч. Иванов совершенно прав, когда привлекает “Фауста” к объяснению основного “мифа” романа “Бесы”» [Бем, 2001, с. 231]. Правда, в связи с романом «Преступление и наказание» Иванов о Гете не вспоминал, тогда как Бем предположил, что Раскольников подобен Фаусту, а Соня — Мефистофелю. К такому выводу исследователь пришел на основании сходства в деталях внешнего облика Сони и Мефистофеля («огненное перо на шляпке»), а также сцены смерти Мармеладова, который, по словам Бема, «заговорил вдруг словами Гретхен из “Фауста”» [Бем, 2001, с. 220]. Бем уподобляет Соню «духу зла» и посредством антитезы: «<...> образ Сони контрастен Мефистофелю» [Бем, 2001, с. 220]. Сопоставление Сони с Мефистофелем согласуется с представлением Бема о «теневой» функции героини. Однако если Мефистофель отражает лишь «темные» стороны личности Фауста, то Соня, напротив, рассматривается как героиня, «улавливающая» самые разные движения души Раскольникова.

Проведенная Бемом аналогия между Соней и Мефистофелем показывает, что литературовед достаточно свободно относится к гендерной принадлежности героев: различие гендеров не мешает исследователю видеть в Мефистофеле литературного предшественника Сони Мармеладовой. Для Иванова, напротив, принципиальна женская природа героини (словосочетание «женская душа» становится перифразой для обозначения Сони при сравнении Раскольникова и князя Мышкина). Кроме того, представление Иванова о Соне как проводнице, направляющей Раскольникова к воссоединению с Матерью-Землей, соотносимо с его пониманием женской природы как таковой, его «философией женщины». Еще в дореволюционной, навеянной обострением полемики по «женскому вопросу» статье «О достоинстве женщины» (1908) Иванов рассуждал об особой связи женского начала с «Душой Матери-Земли» [Иванов, 1979, с. 140]. Принадлежность Сони к женскому полу в интерпретации Иванова оказывается сущностной характеристикой ее образа.

В трактовке Бема Соня предстает такой героиней, которая интересна, прежде всего, своей ролью в становлении главного героя, она рассматривается как образ, тесно связанный с мужским персонажем, его «ангел-хранитель» [O Dostojevském, с. 235]. В интерпретации Иванова, напротив, уделено внимание внутреннему миру героини, ее личностным свойствам. Такая разница в восприятии героини определяется рядом факторов. Исследователи, анализируя роман «Преступление и наказание», фокусируются на разных эпизодах, связанных с Соней. Бем вспоминает момент появления Сони

у полицейского участка, сцену признания Раскольникова Соне, а также эпизод у постели умирающего Мармеладова. Иванов выделяет требование Сони к главному герою поклониться земле, поклон самого Раскольникова перед героиней, а также ее знаменитое исповедальное слово («я — великая, великая грешница!»). Кроме того, определяют разницу интерпретаций и методологические расхождения ученых. Иванов, анализирувавший «основной миф» романа, использовал историко-литературные аналогии для прояснения, или, по его слову, «высветления», главной идеи произведения, а для Бема, сличавшего «родимые пятна» [Скуридина, Бугакова] произведений, установление интертекстуальных связей самоценно (отсюда и параллели: Соня — Лиза, Соня — Мефистофель).

Еще один фактор, обуславливающий различия в восприятии героини двумя учеными, связан с особенностями их исследовательской оптики. Иванов рассматривал роман «Преступление и наказание» как «откровение мистической вины замкнутой в своем одиночестве личности, которая именно через это свое одиночество выпадает из круга всечеловеческого единства и, как следствие этого, из сферы действия нравственного закона» [Иванов, 2021, с. 71]. Теологическая перспектива романного конфликта интересует Иванова больше, чем психологические и социальные аспекты отъединенности (хотя он упоминает и о них, но только как о последствиях богоборческого бунта). Исследуя специфику подхода «Вячеслава Великолепного» к Достоевскому, М.Б. Плюханова отмечает: «Согласно Иванову, эмпирически доступный мир переживаний и действий представлен в романах Достоевского таким образом, что ведет к глубинным или высшего плана реальностям» [Плюханова, с. 180]. К числу воплотившихся в романе интуиций Достоевского о «высших планах реальности» Иванов относит и идею всеединства: «Для Достоевского народ есть всеединое, всечеловеческое, в грехе и унижении объемлющее Бога начало, которое противопоставляется началу отъединенной, богоборческой личности» [Иванов, 2021, с. 71–72]. Божественное начало признается незримо присутствующим в художественном произведении, оно рассматривается как символически отраженное в образе Матери-Земли. Не случайно в главном герое романа Иванов видит в первую очередь богоборца, восстающего «против исконных святых законов Матери-Земли», в земном поклоне Раскольникова — ритуальный шаг к примирению с ней, а значит, и с Богом. Поэтому и преступление героя, и его «выздоровление», которое, как пишет Иванов, «приходит от Сони», рассматриваются им в мистической перспективе. Недаром, сопо-

ставляя Раскольников и князя Мышкина, Иванов подчеркивает духовный характер воздействия Сони на героя «Преступления и наказания» (о Раскольникове он пишет как о «спасенном самоотверженной смиренной женской душой» [Иванов, 2021, с. 66]).

В интерпретации Бема Соня оказывается частью «секулярного» мира — таким в статьях о Достоевском предстает мир романа. Бем, отталкивавшийся от тезиса Иванова об отъединенности Раскольникова от мира, больше сфокусирован на проблеме взаимосвязи между социализацией личности и ее внутренним состоянием, а теологические аспекты проблематики произведения остаются на периферии его исследования. Отпадение «от живого ствола жизни» [Бем, 1983, с. 170] рассматривается им в психологической перспективе, как причина «распада личности»: «<...> в “Преступлении и наказании” распад личности происходит на почве отъединения, замкнутости в себе и ухода целиком в мир своих внутренних переживаний» [Бем, 1983, с. 170]. В рассуждениях Иванова о романе Бог предстает лично присутствующим, пусть и незримо (через символическое отражение в мистической сущности Матери-Земли), в художественном мире «Преступления и наказания», а в трактовке Бема Он оказывается если не абсолютно трансцендентным миру романа, то по преимуществу таковым. Представление Бема о мире романа как «секулярном» и порождает стратегию интерпретации образа, при которой героиня рассматривается в первую очередь как объект, выполняющий свои функции в раскрытии главного, мужского, персонажа.

Ни Иванов, ни Бем, анализируя романы Достоевского, не задавались целью исследовать специфику женских образов. Их рассуждения о Соне Мармеладовой возникают в контексте исследования других проблем поэтики. Они не ставили перед собой задачу изучить то, как Достоевский понимает женственность и женское. Однако содержащиеся в литературоведческих работах Иванова и Бема интерпретации образа Сони Мармеладовой показательны с точки зрения их восприятия фемининности. С одной стороны, рассуждения обоих исследователей о Соне как женском персонаже нормативны для эпохи модерна. Оба видят в ней героиню-посредницу, героиню-спутницу. В рассуждениях Бема эти функции дополняются коннотациями «зеркальности» и «тени», что роднит его с психоаналитической традицией.

Кроме того, подходам обоих свойственна сакрализация героини. В книге Иванова, продолжающего мыслить в мистико-мифологической парадигме Серебряного века, Соня рассматривается как героиня

ня, воссоединяющая Раскольникова с божественным началом мироздания, ее образ понимается как тесно связанный с таким архетипом Вечной Женственности, как Мать-Земля. Бем, тоже, по-видимому, отдавая дань интеллектуальной и духовной традиции Серебряного века, указывает на софийные мотивы в образе Сони Мармеладовой. При этом Бем активно использует современный ему понятийный аппарат сравнительного литературоведения, рассматривает Сою как вариацию героя-посредника (Мефистофель, пушкинская Лиза).

Хотя оба интерпретатора в целом остаются в рамках мышления модерна, в их подходах к Соне прослеживаются и инновативные тенденции в осмыслении фемининности. Иванов преодолевает свойственное критике начала XX в. стремление к объективации героини-проститутки и ее восприятие как жертвы обстоятельств. Он сталкивается с необходимостью постичь особенности внутреннего мира героини и потому рассматривает образ Сони в ее субъектности. И хотя в высказываниях Бема больше элементов объективации Сони, но и он видит в ней активно действующую героиню, трансформирующую миропонимание главного — мужского — персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Амфитеатров А.В.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Интелвак, 2000. Т. 2. 752 с.
- Амфитеатров А.В.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Интелвак, 2001. Т. 3. 892 с.
- Амфитеатров А.В.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Интелвак, 2003. Т. 10. Кн. 1. 752 с.
- Анненский И.Ф.* Книги отражений. М.: Наука. 1979. 691 с.
- Бем А.Л.* Достоевский: Психоаналитические труды. Aris: Ann Arbor, 1983. 194 с.
- Бем А.Л.* Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
- Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
- Вокруг Достоевского: в 2 т. М.: Русский путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: сб. ст. под ред. А.Л. Бема. 576 с.
- Гессе Г.* Избранное. М.: Худож. лит., 1977. 413 с.
- Иванов В.И.* Достоевский. Трагедия — миф — мистика. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 476 с.
- Иванов В.И.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1979. Т. 3. 896 с.

- Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 9. 776 с.
- Куприн А.И. Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 5. 830 с.
- Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 9. 974 с.
- Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.
- Покровская М.И. О падших. СПб., 1901. 67 с.
- Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. М.: Республика, 1996. 702 с.
- Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.
- Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Томск: Водолей, 1996. Т. 1. 512 с.
- O Dostojevskem: sbornik stati a materialu. Praha: Slovanska knihovna, 1972. 357 p.

Исследования

- Аляев Г.Е., Оболевич Т., Резвых Т.Н., Цыганков А.С. С.Л. Франк о Ф.М. Достоевском: новые материалы. М.: ИФ РАН, 2021. 368 с.
- Артамошкина Л.Е. От Раскольникова к Заратустре: истоки формирования ницшеанца в культуре Серебряного века // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2012. С. 99–131.
- Белоус А.А. Ранний Достоевский и психоанализ. Взгляд А. Бема // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 110–115.
- Богданова О.А. Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х годов (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович) // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 143–170.
- Боева Г.Н. «Мужское» и «женское» в прозе А. Куприна в свете научного дискурса эпохи // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 198–211.
- Бочаров С.Г. Феномен «литературного припоминания» в эстетике А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. М.: Русский путь, 2008. С. 29–37.
- Волгин И.Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М.: Либерия, 2000. 704 с.
- Гачева А.Г. Работы А.Л. Бема о Достоевском и религиозно-философская достоевистика // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. М.: Русский путь, 2008. С. 76–95.
- Горностаева С.А. А.Л. Бем о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского // PHILOLOGOS. 2021. № 1 (48). С. 20–25.
- Дудек А. Герои Ф.М. Достоевского в интерпретациях Вяч. Иванова и Д.С. Ме-

- режковского // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2012. С. 132–146.
- Исупов К.Г. Компетентное присутствие (Достоевский и «серебряный век») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 3–27.
- Касаткина Т.А. Феномен «Ф.М. Достоевский и рубеж XIX–XX веков» // Достоевский и XX век: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 143–199.
- Каяниди Л.Г. Три ипостаси Достоевского. [Рец. на:] Иванов В.И. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетищенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2020. 476 с. // Соловьевские исследования. 2021. № 4 (72). С. 135–146.
- Келдыш В.А. Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.
- Кибальниченко С.А. Новый Эсхил: миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3 (10). С. 58–79.
- Кольовски А.А. Жизнь и творчество Альфреда Людвиговича Бема: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 221 с.
- Плюханова М.Б. Труды Вячеслава Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конф. “Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”. The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019. М.: Водолей, 2021. С. 179–198.
- Полонский В.В. Ф.М. Достоевский как сквозной герой дискуссий в Петербургском Религиозно-философском обществе 1907–1917 годов // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2012. С. 377–388.
- Сараскина Л.И. «Противоречия вместе живут...» (Хромоножка в «Бесах» Достоевского) // Вопросы литературы. 1984. № 11. С. 151–176.
- Сегал-Рудник Н.М. Достоевский в мифологии и онтологии Вяч. Иванова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конф. “Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”. The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019. М.: Водолей, 2021. С. 124–179.
- Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. «Метод мелких наблюдений» А. Бема как основа исследования литературной ономастики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 4. С. 60–62.
- Титаренко С.Д. «Основной миф» Ф.М. Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. № 1. С. 47–55.

Фридлиндер Г.М. Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. Т. 11. С. 132–145.

Щербина Ю.И. Обращение русской эмиграции в Чехии к творчеству Ф.М. Достоевского: А.Л. Бем и психоаналитический метод интерпретации художественного произведения // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. № 3 (4). С. 146–157.

Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке // ACTA ERUDITORUM. 2021. Вып. 38. С. 40–46.

Эконен К. Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.

REFERENCES

Aliaev, G.E., and T. Obolevich, and T.N. Rezvykh, and A.S. Tsygankov. *Frank o F.M. Dostoevskom: novye materialy* [S.L. Frank on F.M. Dostoevsky: New Materials]. Moscow, IPh RAS Publ., 2021. 368 p. (In Russ.)

Artamoshkina, L.E. “Ot Raskol’nikova k Zaratustre: istoki formirovaniia nitssheantsa v kul’ture Serebrianiogo veka” [“From Raskolnikov to Zarathustra: the Origins of the Formation of the Nietzschean in the Culture of the Silver Age”]. *F.M. Dostoevskii i kul’tura Serebrianiogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations]. Moscow, Vodolei Publ., 2012, pp. 99–131. (In Russ.)

Belous, A.A. “Rannii Dostoevskii i psikhoanaliz. Vzgliad A. Bema” [“Early Dostoevsky and Psychoanalysis. A. Bem’s View”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2013, pp. 110–115. (In Russ.)

Bogdanova, O.A. “Viacheslav Ivanov i stanovlenie nauki o Dostoevskom na rubezhe 1910–1920-kh godov (M.M. Bakhtin, B.M. Engel’gardt, V.L. Komarovich)” [“Vyacheslav Ivanov and Formation of Science about Dostoyevsky at the Boundary of the 1910–1920th (M. Bakhtin, B. Engelgardt, V. Komarovich)”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 39, 2016, pp. 143–170. (In Russ.)

Boeva, G.N. “‘Muzhskoe’ i ‘zhenskoe’ v proze A. Kuprina v svete nauchnogo diskursa epokhi” [“Male and Female in the Prose of A. Kuprin in the Light of the Scientific Discourse of the Era”]. *Zhenshchina moderna: Gender v russkoi kul’ture 1890–1930kh godov* [Modern Woman: Gender in Russian Culture in the 1890s–1930s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, pp. 198–211. (In Russ.)

Bocharov, S.G. “Fenomen ‘literaturnogo pripominaniia’ v estetike A.L. Bema” [“The Phenomenon of ‘Literary Recall’ in the Aesthetics of A.L. Bem”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh’ia* [A.L. Bem and Humanitarian

- Projects of the Russian Diaspora*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2008, pp. 29–37. (In Russ.)
- Volgin, I.L. *Propavshii zagovor. Dostoevskii i politicheskii protsess 1849 goda* [*The Lost Conspiracy. Dostoevsky and the Political Trial of 1849*]. Moscow, Libereia Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
- Gacheva, A.G. “Raboty A.L. Bema o Dostoevskom i religiozno-filosofskaia doestoevistika” [“A.L. Bem’s Works on Dostoevsky and Religious and Philosophical Studies of Dostoevsky”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ia* [*A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2008, pp. 76–95. (In Russ.)
- Gornostaeva, S.A. “A.L. Bem o ‘Prestuplenii i nakazanii’ F.M. Dostoevskogo” [“A.L. Bem about ‘Crime and Punishment’ by F.M. Dostoevsky”]. *FILOLOGOS*, no. 1 (48), 2021, pp. 20–25. (In Russ.)
- Dudek, A. “Geroi F.M. Dostoevskogo v interpretatsiakh Viach. Ivanova i D.S. Merezhkovskogo” [“Heroes F.M. Dostoevsky in the Interpretations of Vyach. Ivanov and D.S. Merezhkovsky”]. *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebriianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [*F.M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations*]. Moscow, Vodolei Publ., 2012, pp. 132–146. (In Russ.)
- Isupov, K.G. “Kompetentnoe prisutstvie (Dostoevskii i ‘serebrianyi vek’)” [“Competent Presence (Dostoevsky and the Silver Age)”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 3–27. (In Russ.)
- Kasatkina, T.A. “Fenomen ‘F.M. Dostoevskii i rubezh XIX–XX vekov’.” [“Phenomenon ‘F.M. Dostoevsky and the Turn of the XIX–XX Centuries.’”] *Dostoevskii i XX vek* [*Dostoevsky and the 20th Century*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 143–199. (In Russ.)
- Kaianidi, L.G. “Tri ipostasi Dostoevskogo. [Rets. na:] Ivanov V.I. Dostoevskii. Tragediia – Mif – Mistika / otv. red. A.B. Shishkin i O.L. Fetisenko. SPb.: Pushkinskii Dom, 2020. 476 s.” [“Dostoevsky’s Three Hypostases. [Review of:] Ivanov, V.I. *Dostoevsky. Tragedy — Myth — Mysticism*, ed. A.B. Shishkin and O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2020. 476 p.”]. *Solov'evskie issledovaniia*, no. 4 (72), 2021, pp. 135–146. (In Russ.)
- Keldysh, V.A. *Nasledie F.M. Dostoevskogo v filosofskoi i literaturno-kriticheskoi mysli Serebriianogo veka russkoi literatury* [*Legacy of F.M. Dostoevsky in the Philosophical and Literary Critical Thought of the Silver Age of Russian Literature*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 280 p. (In Russ.)
- Kibal'nichenko, S.A. “Novyi Eshkil: mif o Dostoevskom v filosofskoi proze Viacheslava Ivanova” [“New Aeschylus: the Myth of Dostoevsky in the Philosophical Prose of Vyacheslav Ivanov”]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 3 (10), 2022, pp. 58–79. (In Russ.)

- Kol'ovski, A.A. *Zhizn' i tvorchestvo Al'freda Liudvigovicha Bema* [*The Life and Work of Alfred Ludwigovich Bem: PhD Dissertation*]. Moscow, 2015. 221 p. (In Russ.)
- Pliukhanova, M.B. "Trudy Viacheslava Ivanova o Dostoevskom: evoliutsiia osnovnogo mifa" ["Works of Vyacheslav Ivanov about Dostoevsky: the Evolution of the Main Myth"]. *Zagadka modernizma: Viacheslav Ivanov: Materialy XI Mezhdunarodnoi Ivanovskoi konferentsii* "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism". *The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019* [*The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Proceedings of the XI International Ivanovo Conference* "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism." *The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019*]. Moscow, Vodolei Publ., 2021, pp. 179–198. (In Russ.)
- Polonskii, V.V. "F.M. Dostoevskii kak skvoznoi geroi diskussii v Peterburgskom Religiozno-filosofskom obshchestve 1907–1917 godov" ["F.M. Dostoevsky as a Cross-Cutting Hero of Discussions in the St. Petersburg Religious and Philosophical Society in 1907–1917"]. *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebriannogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii*. [F.M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations]. Moscow, Vodolei Publ., 2012, pp. 377–388. (In Russ.)
- Saraskina, L.I. "Protivorechiia vmeste zhivut..." (Khromonozhka v 'Besakh' Dostoevskogo)" ["'Contradictions Live Together...' (Khromonozhka in Dostoevsky's *Possessed*)"]. *Voprosy literatury*, no. 11, 1984, pp. 151–176. (In Russ.)
- Segal-Rudnik, N.M. "Dostoevskii v mifologii i ontologii Viach. Ivanova" ["Dostoevsky in Mythology and Ontology Vyach. Ivanova"]. *Zagadka modernizma: Viacheslav Ivanov: Materialy XI Mezhdunarodnoi Ivanovskoi konferentsii* "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism." *The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019* [*The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Proceedings of the XI International Ivanovo Conference* "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism." *The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019*]. Moscow, Vodolei Publ., 2021, pp. 124–179. (In Russ.)
- Skuridina, S.A., and N.B. Bugakova. "Metod melkikh nabliudeni' A. Bema kak osnova issledovaniia literaturnoi onomastiki" ["'The Method of Small Observations' by A. Bem as the Basis for the Study of Literary Onomastics"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 4, 2022, pp. 60–62. (In Russ.)
- Titarenko, S.D. "Osnovnoi mif' F.M. Dostoevskogo v interpretatsii Viacheslava Ivanova" ["'The Main Myth' by F.M. Dostoevsky in the Interpretation of Vyacheslav Ivanov"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, no 1, 2012, pp. 47–55. (In Russ.)
- Fridlender, G.M. "Dostoevskii i Viacheslav Ivanov" ["Dostoevsky and Vyacheslav

- Ivanov”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 132–145. (In Russ.)
- Shcherbina, Iu.I. “Obrashchenie russkoi emigratsii v Chekhii k tvorchestvu F.M. Dostoevskogo: A.L. Bem i psikhoanaliticheskii metod interpretatsii khudozhestvennogo proizvedeniia” [“Appeal to the Work of F.M. Dostoevsky by Russian Emigration in Chekhia: A.L. Bem and the Psychoanalytic Method of Interpreting a Work of Art”]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, no. 3 (4), 2020, pp. 146–157. (In Russ.)
- Shishkin, A.B. “Viacheslav Ivanov i otkrytie Dostoevskogo v XX veke” [“Vyacheslav Ivanov and the Discovery of Dostoevsky in the 20th Century”]. *ACTA ERUDITORUM*, vol. 38, 2021, pp. 40–46. (In Russ.)
- Ekonen, K. *Tvoretz, sub'jekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [*Creator, Subject, Woman: Female Writing Strategies in Russian Symbolism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)